

Лаура Цаголова

Родилась в 1968 году на Кубани в семье военного. Школу закончила в Москве. Училась в Литературном институте им. А. М. Горького. Работала в журналистике («Комсомольская правда», «Собеседник», программа «Взгляд» и т.д.). Публиковалась в журналах «Юность», «Голос эпохи», в газете «Литературная Россия», в антологиях православной и военной поэзии. Член Союза писателей России. В настоящее время на пенсии. Живет в Москве.

Мудрёных слов не надо...
Не чокаясь, старлей!

К нам с майскою кантатой
прорвался соловей,
стараётся за сладость
горбушечки ржаной,
насвистывая радость
проштопанной войной.
Суровому начмеду
есть повод подобреть,
по случаю победы
на солнце разомлеть.
Под вербою цветущей
посапывает он.
Шуткует шмель, снующий
у новеньких погон.

Газетная скатёрка
со сводками потерь...
У нас на гимнастёрках
отметочки теперь
о тяжести увечий,
о ярости в боях,
о том, как ныли плечи,
когда через поля,
помазанные кровью,
пропахшие гнильцой,
с упёртостью воловьей
тащили мертвецов.

Огурчик малосольный
отчаянно хрустит...
У санитарки Сони
любвеобильный вид:
приваживает взгляды
внезапный креп-жоржет.
Не надо слов, не надо,
а то спугнёшь сюжет!

В жестяночках щербатых
трофейные харчи...
Не надо слов, не надо!
Правдиво помолчим.
Прольём слезу, что годы
не смели расплескать,
пусть в ней смеётся рота,
пригодная пахать
надмирные просторы
Господней целины.

Прольём слезу, в которой
мы не разделены
на выбывших когда-то
и выживших с трудом.

Не надо слов, не надо!
Когда-нибудь потом...

Искрится дождь, волнуются сады
за птичьи гнёзда в мареве цветений.

Хватило дню и солнца, и воды
весенние расправить светотени.

Звенит в ушах победное «ура!»
уставшими от горя голосами.
Бросается под ноги детвора
красавцу с командирскими часами.
Большая битва маленьких сердец
за право быть обласканным Героем,
когда на миг придуманный отец
прижмёт к себе наследство неродное.
Начищенной монеткою блестит
медалька за случайное везенье...
И чудится, что каждый, кто убит,
живёт в слезах сыновьего веселья.

Ах, месяц май! Гармошкам рядовых
икается в окошечках окрестных...

И пьют в Раю из кружек фронтовых,
закусывая хлебушком небесным.

Гагарин

1.

В космосе маминого живота
с ним говорил Господь:
— Будет страна для тебя, но та,
которую не спороть
с формы парадной, менявшей крой
от расстановки сил.
Будет страна у тебя, герой!
Ей облака косить,
что придорожную трын-траву,
что предрассветный дым...
Этой стране в небесах тонуть,
полных святой воды.

Будет не в тягость твоей родне
грузный крестьянский быт.
Будут в заботах о всяком дне
святцы большой избы.

Детство засахарит над губой
пенку от молока,
станет качалки конёк гнедой
сбрасывать седока.
Вот бы отважный зубрить урок,
не отвлекаясь на
строгий родительский шепоток!
Но
будет
тебе
война.
Тени присвоят дверной проём,
сгрудятся у лампад.
Так в несмыслённом раю твоём
набедокурит ад.

Будешь сквозь слёзы с отцом копать
новый приют семье,
словно спасенья Ковчег искать
в прифронтовой земле.

2.

Кто постелил соломку
чуду одной судьбы,
Тот не твердит без толку
«если бы да кабы».
Долгой нехваткой света
светлых не помрачить.
Только нужна победа,
звонкая, как ручьи!
Чтобы кулич на Пасху
крепко держал свечу,
нужно поверить в сказку.
И потерпеть. Чуть-чуть.

3.

Мама поправит платок, вздохнёт,
перекрестив живот:
— Хочешь, сыночек, уйти в полёт?
Скоро уже. Вот-вот...

Как на иконе затихнет блик,
позолотив сперва,
так и подхватит твой первый крик
Русская Синева.
Ангелам он не помеха и...
Слышишь, поют:
«ПОЕХАЛИ!»

Всю ночь у колыбели ангел пел
о том, что предстоит новопривывшим.
А мир, до неотмирности притихший,
сквозь лупу сновидения смотрел
на то, как выдавал рожок Луны,
оконным стёклам трели световые.
Поблёскивали жители страны.
Как много их, записанных в живые!
Всех сразу не по силам охватить
сокрытым в недрах птичьего полёта,
поэтому небесная пехота
стремится из укрытий выходить,
склоняться к изголовиям своих
по линии Христовой подопечных.
Бликует, как рождественская млечность,
надежда, исходящая от них,
на лбах, с которых утром начинать
творить кресты на всякий здешний случай.
Пел ангел так, что самый невезучий
счастливец вознамеривался стать
под омофором истины о том,
что у любви немеркнущие ризы.
И лунный свет на вмятине карниза,
плескался и дотягивал потом
до утвари, до красного угла,
до тусклых фотоснимков довоенных...
Пел ангел о былых, но незабвенных!
И тень его по стеночке плыла
в грядущий день, в котором предстоит
всё принимать, чему дано случиться.

Младенчик перед тем, как озариться,
на праведном наречии гулит.
Он пробует впервые подпевать
хранителю, но слов ещё не знает.
Он крошечный, но тоже охраняет
ту женщину, что рада пеленать.

...Укачивала песня города
и выселки бревенчатого лада,
где поздним летом яблоня брюхата
и в бочках ржавых звёздная вода...

Спасительное трудничество света,
когда, от неизбежности дрожа,
из мрака сотворяются предметы,
как будто поднимается душа
из бездны забвения, из ниоткуда,
из тишины, но той, что ни о чём.
Как будто явь, поверившую в чудо,
высокоточным солнечным лучом
пронзила мощь взыскующего Взгляда.
Симфония рождаемого дня
звучит вокруг, слагается баллада:
под новым Небом новая Земля.

И комната теряет угловатость,
пока заря касается её.
И стёкла окон в каплях розоватых,
и стол, и стул, и книжное старье
про юных дев и рыцарей отважных,
и кровных послушной фотоальбом...
Как ночь прошла? Теперь уже не важно.
И даже Бог не думает о том.
Он смотрит сквозь распахнутые выси,
как дети сквозь невыплаканность бед.
Ему под силу нас поймать на мысли,
что есть рассвет, а значит, смерти нет.

«...И вдруг мимо, вплотную, на уровне груди, проплывает крошечный, таинственный белесоватый кружок — он плывёт во тьме как будто сам по себе. И обозначенного им человека угадываешь только по хриповатому, затруднённому дыханию. Фосфоресцирующий кружок, люминофор, продаётся теперь везде...»

/Из блокадных дневников Павла Лукницкого/

Спущусь по лестнице во двор
набрать съестного снега...

Я светлячок с недавних пор
в обличье человека.
Сосед похныкивал: «Смотри,
ты стал уже прозрачен!»
Мы все здесь чудо-фонари.
Тусклее или ярче
мерцают лица в долгой тьме
помноженной на холод,
уже не важно, на уме
одна недоля — голод.

А снег ночной такой густой!
Как манна. Манкий. «Манка!!!» —
Нет слова слаще...
«Здесь шестой!» —
укажет санитарка
на тела вбитый стужей клин,
на губы в белой каше.
«Он светится, как херувим!» —
безбожный дворник скажет,
робея валенки стащить.
К чему они задрыге?
Таких, как я, не потушить
в хароновой квадриге.

Мне улиц смертный коридор
отныне не преграда.
Я — праведный Люминофор,
святитель Ленинграда.

Из цикла «Блокадный ангел»

Воспоминание ничейной

Оркестр духовой.
Любимая пластинка.
Дослушать — не судьба.
Судьбу нельзя дразнить.
И папина щека.
И мамина слезинка,
по папиной щеке
готовая скользить.

Его:
— Не провожай,
на улице прохладно...
Её:
— Не горячись,
себя побереги...
И летний сквознячок
на лестнице в парадной.
И верных голубей
почётные круги.

Зачем-то будний день
по-праздничному светел,
звенят на стариках
царёвы ордена,
за строем молодых
вышагивают дети,
оценивая шик
армейского сукна.

Как будто на парад...
Невесты при параде:
нашёлся бы жених,
а свадьба подождёт.
Есть время: до зимы
в блокадном Ленинграде,
и всем непризывным
пока ещё везёт.

Оркестр духовой.
На площади вокзальной
захочешь — не найдёшь,
где яблочку упасть.
Здесь папа закурил
перед дорогой дальней.
Потом была война.
И я не родилась.

Помолись о морячке,
кто-нибудь да где-то...

Здесь, на Невском пяточке,
много Того Света,
от которого в глазах —
по реке на каждый.
Перехнычу смертный страх,
въядливый, как жажда.
Перекличу всех святых
комиссаров рода.
Здесь устроено для них
что-то вроде брода.
Троеперстным день — за три
в жижице окопной.
На ладонях волдыри
не успеют лопнуть,
как курсантик-непосед
плюнет на уставы...
И померкнет Этот Свет
пепельно-кровавый.
Извальсирует метель
брошенных на танки...
Замелькают в суете
руки санитарки...
Мне слова её уже
толком не расслышать...
Пусть поплачется душе:
«Твой совсем не дышит!»

Тянут в небе якоря
прадеды да деды...
Помолись за моряка,
Русская Победа!

Кто-то нетерпеливый ударил в гонг.
И равнины пожгла охота...

Я отныне — упёртый «имперский орк»,
выдвиженец особой роты.
Надо мною землянки степной накат,
подо мною движок планеты.
Мне подобран в напарники комбатант
Тем, Кто, в-пиксель-небес-одетый,
наблюдает за рысью на передке
активистов отмены Бога.
Время похолодело в своём витке,
где нас двое, а мутных много.

Потанцуем по-русски, спина к спине,
на исходе боекомплекта,
чтобы главный охотник окаменел,
этот вечный расстрига Некто.
Тянет гарью и серой со всех щелей.
Нам за вредность добыть бы льготу:
с нашим потом поклялся смешать елей
отвечающий за пехоту
и помазать им сонных младенцев лбы,
чтобы знали, в кого бесстрашны...

Третий Рим пограничные вбил столбы
по периметру Млечной Пашни.

Согласно присяге

Был плотным сон, как пахотная взвесь.
Во сне не спали.
Я знал, что все, кто в нём сегодня есть,
сполна отдали
долги стране, понятной небесам,
впадавшим в реки.

Мой сон лишь горсть, в которой голоса
растят побеги:
колосья источают имена
дерзивших смерти.
Как силой этой дышат времена,
так на конверте
от влаги проступает вдруг словцо
письма живущим.
Блаженна рожь над рёбрами бойцов,
посмертно чтущих
уклад, в котором золото полей —
заслуга праха!

Изнеоткудной стае голубей
под Волновахой
я виден спящим в зыбке фронтовой,
тридцатилетним,
узнавшим, как истратил прадед мой
патрон последний,
как снял часы — награду комполка,
потёр запястье...
Часы теперь со мною, и пока
частят на счастье
других, черёд которых не пришёл,
на нас похожих.
Где прадед закурил на посошок,
я так же... тоже...

Был плотным сон, как пахотная взвесь.

Притча от комбата

А. Х.

Что-то ещё остаётся, кроме...
Смотрящим со стороны
всегда не хватает любви и крови.
Слишком отстранены.
А здесь всё в порядке и с той, и с этой.
На каждого — сверх нужды.
Снаряды, снаряды, с напрягом следуя
по гиблым местам вражды.

И слушай по ходу, как лепет детский
поминный окутал крик...
Сорванный пленным шеврон немецкий
к подошве твоей прилип,
как будто намерен желать пощады,
а должен просить добить.
Ты в землю вколотишь его прикладом,
но станет земля кровить.
И те, что в хоробах её ютятся,
потребуют:
— Забирай!
От нас золотые хлеба родятся,
замешкаться им не дай!
Накроет шевроном зерно тугое,
не выйдет оно на свет.
Пусть море хоронит в себе такое...
Здесь нечисти места нет.

А море не против, клокочет:
— Дайте!
Без жалости потоплю...

Иду я. До моря шажок по карте.
По жизни он равен дню,
в котором не станет двоих из наших
да дюжины пришлецов.
Иду я. И приторный ветер пашен
с прибрежною кислещой
смакую, так небо смакуют птицы
над пепелищем гнёзд.
А путь мой до моря, как до границы, —
долгий синодик слёз.

Комкают пальцы шитьё шеврона.
Море моё тебе?!
Чтобы таился, как в глине схрона,
в чистой его воде?
Да не дождёшься, репей лоскутный!
Здесь и сейчас — до тла.
В прах обратится твой дух приبلудный,
как накопитель зла.
Море привыкнуть к тебе не сможет,
тьма одолеет синь...
Будешь сухою травой обложен
и по команде «Сгинь!»
вспыхнешь, оставишь уже в покое,
не осквернишь воды.
Море волнуется про другое.
Море для полноты
счастья, которое нам по вере
будет в неясный срок.
К морю веду я свои потери.
Запоминать песок,
тёплые волны в следах Мессии,
пену у валуна.
К морю привёл бы сейчас Россию...
Если бы не война.

Мой всё ещё лирический герой
окуривает майский Сивцев Вражек...
Снуёт табачный дым над Кольцевой,
колышется в тени малометражек.
Черёмухи несметный снегопад
просматривает, как передовицу.
Дымок советский — антиквариат,
которым мелкий собственник гордится.
Дымком таким мы все осенены.
И даже те, что все проклинали
запасы «Примы» родом из страны,
где сладким квасом горечь запивали.

Мой всё ещё лирический герой
по-партизански сдерживает кашель,
чтобы услышать, как зовёт домой
под вечер мама: щурится и машет
на все четыре стороны Москвы,
давным-давно, в конце семидесятых.
Но сын живёт сегодняшним, увы.
Здесь нет уже скамеечек щербатых,
облепленных беспечной детворой,
постриженной под Гекльберри Финна.

Мой всё ещё лирический герой
серчает на задиристую псину,
облаявшую стаю голубей —
подвижников снесённой голубятни.
Он тоже неприкаянных кровей.
Ему с годами стали непонятны
попытки узаконить новый лад
с каким-то отрицаньем бессердечным.
Он понял, что бытует невпопад.
Чужим среди своих. Бойцом увечным,
которого обходят стороной
расчётливые баловни столицы.

Мой всё ещё лирический герой
был вынесен за скобки очевидцем
таких событий, что «не ворошить»
полезнее для видимости блага.
Теперь он небо вынужден коптить
и город, в честь которого «ни шагу
назад» стояли битые полки
предтечами победных причащений...
На курево слетелись мотыльки —
любители горячих ощущений:
мелькают о своём наперебой,
ныряют в дымовые междометья.

Мой всё ещё лирический герой —
блаженный грешник прошлого столетья.
Он в нём и сам ходил повоевать
салагою особого призыва.
А мог бы жить, но так и не узнать,
что там, где сны солдатские слезливы
и коротки, как первый детский крик
в святом хлеву центрального роддома, —
увесистый прабабкин патерик
упорствовал в надежде невесомой,
выпячивая нужные слова
спасением от мора и от глада.
Боец успел понять, что голова
контуженного мягкая, как вата,
пропитанная жгучей синевой,
той самой, что плыла перед глазами...

Мой всё ещё лирический герой
поочередно давит рукавами
похмельных слёз дождевики-пузыри,
покусывая мякиш сигареты.

Дымок не выдыхается, парит.
Последний день весны.
Начало лета.

Когда светила раскалённый грош
закатится за облачную рощу,
от полного собрания святош,
которые всегда о чём-то ропщут,
отделится монашек-змеебой,
возденет к небу заалевший посох.
Печальница повойник родовой
неспешно снимет и простоволосой
пойдёт по истуманенной воде...

Туда, где ночь — стремительная птица,
а день, подобный свежей борозде,
подрагивает в мареве и длится!
Туда, где третий возглас петуха
апостольской присяге не преграда.
Туда, где на ладонях Жениха
нет линий для истории распада,
а только метки солнечных лучей,
над лилией корпевших полевою.
Туда, где связей родственных прочней
доставленная кем-то с поля боя,
нетронутая копотью тесьма,
поэма заверений псалмопевца
(стежки старославянского письма
хранились в гимнастёрочке, у сердца).

Вот там, где после жизни всё с нуля,
где за душу берут, не на поруки,
нужна, как воздух, Русская Земля!
Единственная верная в округе.